

История одной семьи

А.И.Франк,

доктор физико-математических наук

Объединенный институт ядерных исследований

Дубна

21 декабря 1978 г. в Ленинградском политехническом институте отмечалось столетие со дня рождения моего деда Михаила Людвиговича Франка, долго руководившего там кафедрой математики. Через некоторое время Илья Михайлович написал статью о своем отце. К моменту работы над ней и относится запомнившийся мне короткий разговор. «Знаешь, — сказал Илья Михайлович, — в молодости кажется, что сто лет — это почти бесконечность. Теперь же, когда исполняется сто лет со дня рождения моего отца, мне кажется, что век — это нечто очень короткое». Тогда мне трудно было поверить, что когда-нибудь и я буду рассуждать так же.

Спустя годы после упомянутого разговора мысль о краткости века уже не кажется мне парадоксальной. Однако в течение довольно долгого времени мне было очень трудно заставить себя написать что-либо об отце. Поэтому сборник, посвященный 90-летию Ильи Михайловича [1], в составлении которого я принимал некоторое участие, вышел без моих воспоминаний. Пять лет спустя я решился выступить с докладом об истории семьи Франков на семинаре, посвященном 95-летию моего отца и состоявшемся в Дубне — в лаборатории, носящей его имя. Этот доклад и лег в основу настоящей статьи.

Первым из известных мне представителей нашей фамилии

был Людвиг Семенович Франк (1844–1882) — дед Ильи Михайловича. Родился он в Польше, точнее, в Виленском kraе (сегодняшняя Литва). Известно, что он поступил в Виленский университет, но польское восстание 1863 г. прервало его учебу. В то время в окрестных лесах скрывалось множество повстанцев, которые привлекали к себе внимание городской молодежи. Видимо, поэтому отец Людвига отправил его в Москву, где тот поступил на медицинский факультет Московского университета и в 1872 г. получил диплом врача. Он служил в Департаменте здравоохранения Министерства внутренних дел. Во время русско-турецкой войны 1877 г. Людвиг Семенович был военным врачом. За доблесть, проявленную при спасении раненых, он получил титул личного дворянинна и орден Св.Станислава 3-й степени. Видимо, заслуги его действительно были выдающимися, поскольку присвоение дворянского звания еврею было делом не слишком частым, а случай награждения таким орденом был вообще, насколько известно, единственным. Особенность «жалованного», или личного дворянства состояла в том, что этот титул не наследовался. Дети жалованных дворян носили титул «почетный гражданин».

Незадолго до войны, в 1874 (или 75-м) году Людвиг Семенович женился на Розалии Моисеевне Россиянской, которая родила ему трех детей: Софью, Семена (1877) и Михаила (1878). Младший из детей Михаил Лю-

двигович Франк — отец Ильи Михайловича и мой дед. Розалия Моисеевна происходила из довольно зажиточной семьи, переехавшей в начале 1860 гг. в Москву из Германии. Ее отец Моисей Миронович занимался чаепродукцией. Его имя упоминается в числе инициаторов открытия в Москве первой синагоги. Супруги Россиянские прожили долгую жизнь и, видимо, оказали довольно большое влияние на детей Франка, особенно после смерти в 1882 г. Людвига Семеновича. Вероятно, именно им дети обязаны знанию с детства немецкого языка.

В 1891 г. Розалия Моисеевна с семьей переехала в Нижний Новгород и там вторично вышла замуж. Ее второй муж Василий Иванович Зак в молодости был близок к народникам, пережил арест и ссылку в Сибирь. Всю жизнь он придерживался довольно радикальных взглядов, и это обстоятельство в значительной степени повлияло на братьев. В этом браке родился еще один ребенок Розалии Моисеевны, впоследствии известный художник Лев Зак.

Дата смерти Розалии Моисеевны мне точно не известна, хотя имеются сведения, что умерла она около 1908 г. Думаю, что похоронена она в Москве, на Дорогомиловском еврейском кладбище, ныне не существующем. Дело в том, что в 1947 г. наша семья короткое время жила в новом доме на Можайском шоссе (ныне д.23 по Кутузовскому проспекту). Проспект тогда только строился, и его четная сторона, прилегаю-

Людвиг Семенович Франк
(1844—1882).

щая к берегу Москвы-реки, пустовала. Помню, что мы с родителями ходили туда гулять. Детские воспоминания сохранили образ старого парка. Мне кажется, что в связи с этим местом отец говорил что-то о могиле своей бабушки. Впрочем, я могу и ошибаться. Но теперь мне известно, что именно там было старинное еврейское кладбище — первое в Москве. Вскоре на этом месте выросли дома.

Надо сказать, что и Василий Иванович, и Розалия Моисеевна были людьми высокообразованными, и дети также получили прекрасное и, можно сказать, классическое образование. Оба учились в гимназии, а Семен еще до гимназии учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве. Оба владели несколькими языками, в том числе латынью и греческим. Семен Людвигович был прекрасным пианистом. Филипп Буббайер — биограф Семена — отмечает, что «в известном смысле дети получили не специфически русское или еврейское, а европейское образование». Этому способствовало и «немецкое» происхождение Розалии Моисеевны. Сохранились фотографии Михаила Людвиговича — гимна-

зиста. К этому времени относится знакомство Михаила Людвиговича с Павлом Михайловичем Грациановым, сыгравшее значительную роль в его жизни.

В то время в Нижнем кипела политическая жизнь. Через этот город обычно пролегал путь тех, кто возвращался из ссылки. Кроме того, с начала 90-х годов там целыми группами стали оседать студенты, высланные за участие в студенческих волнениях из Москвы и Петербурга. Павел Грацианов, гимназический товарищ Михаила Людвиговича, уже в 6-м классе участвовал в кружках революционной молодежи, а в дальнейшем стал профессиональным революционером, социал-демократом. В семейном архиве сохранилось фото группы молодых людей, по-видимому, участников одного из таких кружков. В центре группы Алексей Максимович Горький. Судя по тому месту, которое занимает там Павел (в первом ряду и непосредственно перед Горьким), роль его признавалось товарищами значительной. До 1917 г. Павел Грацианов 11 раз подвергался различным преследованиям и много лет провел в тюрьмах и ссылках. По семейному преданию (не вполне серьезному и рассказывающемуся по секрету), из-за очередного ареста он не смог попасть на известный II съезд РСДРП в 1902 г., и его отсутствие на съезде якобы и дало фракции Ульянова перевес в один голос, благодаря чему она получила название «большевистской».

После окончания гимназии братья поступают в Московский университет: Семен в 1894 г. на юридический факультет, а Михаил в 1899 г. — на физико-математический. Павел начал учиться в Московском университете годом раньше. В феврале 1899 г. в Москве и Петербурге произошли массовые студенческие выступления. Все трое принимали в них участие. Семен был арестован на несколько дней, после чего в течение двух лет ему было запрещено прожи-

вать в столицах. Он вернулся в Нижний, а оттуда на два года уехал в Германию. Павел просидел в Таганской тюрьме 2,5 месяца и вернулся в университет. Впрочем, вскоре он снова был арестован, уже по другому делу. Неизвестно почему, но сильнее всех пострадал Михаил Людвигович. После двухмесячного пребывания в Бутырской тюрьме ему было запрещено учиться во всех университетах страны. Это обстоятельство сильнейшим образом повлияло на его дальнейшую жизнь.

Гимназическая дружба Михаила Людвиговича с Павлом Грациановым имела и еще одно немаловажное следствие. Дело в том, что у Павла была сестра Лиза (Елизавета Михайловна Грацианова), ставшая предметом юношеской любви Михаила Людвиговича, перешедшей затем в семейный союз. Не имея возможности учиться в России, Михаил Людвигович осенью 1899 г. уезжает в Мюнхен. Насколько известно, в этом ему помогла сестра — Софья Животовская, бывшая замужем за весьма состоятельный человеком. Михаил Людвигович поступает в Баварскую техническую школу (ныне — Технический университет Мюнхена). В 1901 или 1902 г. к нему приезжает Елизавета Михайловна, и в 1902 г. они венчаются в православной церкви в Мюнхене*.

Об отце Елизаветы Михайловны мне ничего не известно, кроме его имени: Михаил Яковлевич. Илья Михайлович писал, что он был служащим. Однако на фотографии, которую молодые послали из Мюнхена в Нижний, значится: «Их высокоблагородиям г-дам Грациановым». Такое обращение было принято по отношению к чиновникам 6—8 классов. Мама Елизаветы Михайловны Ольга Петровна, урожденная Красовская, происходила из

* В 1973 г. Илья Михайлович был в командировке в Мюнхене и разыскал эту церковь. К его удивлению и радости, в церковной книге сохранилась запись о венчании его родителей.

духовной семьи. Удивительным образом в семейном архиве сохранилось фото родителей Ольги Петровны и книжка «Поучения для простого народа», написанная дедом Елизаветы Михайловны, священником Петром Марковичем Красовским.

В 1904 г. у Елизаветы Михайловны и Михаила Людвиговича родился сын Глеб*. В этом же году Михаил Людвигович получил в Мюнхене диплом инженера-машиностроителя, и семья вернулась в Россию. Четырьмя годами позже, 23 (10) октября 1908 г. в семье появился второй ребенок — Илья.

В этот период семья испытывает острую нехватку средств. Дело в том, что полученные за рубежом дипломы считались в России недействительными, и Михаилу Людвиговичу не разрешалось преподавать в высшей школе. В течение нескольких лет он перебивался случайными заработками, затем преподавал в средних учебных заведениях, в частности на курсах пожарных техников. В 1907 г. он записывается в Петербургский университет, откуда его довольно скоро исключают, поскольку у него не было, да и не могло быть, свидетельства о благонадежности. Только в 1912 и 1913 гг. ему удается сдать экстерном экзамены в Юрьевском (Гартуском) университете, единственном в стране, где такого свидетельства не требовалось. Получив, наконец, долгожданный диплом (через 13 лет после начала учебы в Москве), он находит более или менее достойную работу, став приват-доцентом знаменитого Политехнического института в Петербурге. Вероятно, впервые у семьи появилось ощущение, что жизнь, наконец, наладилась.

В тот же период Елизавета Михайловна решает тоже получить профессию. Возможно, это было следствием отсутствия по-

* Глеб Михайлович Франк родился 24 мая (11 мая по старому стилю) в Нижнем Новгороде, где жили родители Елизаветы Михайловны.

Сыновья Людвига Семеновича и Розалии Моисеевны: Семен (слева) и Михаил.

стоянных заработков у Михаила Людвиговича, а, может быть, просто в силу ее энергичного характера. Но так или иначе она, к тому времени мать двоих детей, оканчивает курсы сестер милосердия, а потом и Женский медицинский институт. Таким образом, после 1913 г. у нее тоже есть работа. В этот относительно короткий период устроенной жизни семья живет так, как, вероятно, многие семьи того же круга. Работают, лето проводят на даче.

Приведу здесь отрывки из воспоминаний Ильи Михайловича, относящиеся к этому времени. «Мне очень хорошо памятна наша квартира в Петербурге на Лицейской улице (теперь улица Рентгена), где мы с родителями жили много лет до 1917 г. Как-то уже в недавние годы [написано в 1979–1980 гг. — А.Ф.] я безошибочно нашел ее. Теперь это дом 13 или 15 в угловом (или почти угловом) доме с улицей Льва Толстого. Я легко мог бы и теперь нарисовать план нашей квартиры. Как я понимаю, она была очень скромной — с печным отоплением, керосиновым освещением (уже на моей памяти провели электричество). Всего

же комнат было пять: кабинет отца, столовая, спальня родителей, детская и комната бабушки. Была еще каморка около кухни, где могла жить прислуга. Думаю, и эта небогатая квартира оставляла мало свободных средств у отца, преподавательский заработок которого был единственным средством существования семьи. Обстановка квартиры также соответствовала небогатым средствам семьи.

Отец, несмотря на занятость, уделял нам много внимания. Он заботился о наших игрушках и часто о том, чтобы игра была занимательна и чему-то помогала научиться. Дорогих игрушек никогда не было, и не потому, что средства семьи были скромными. Это был стиль жизни. У нас были, конечно, в большом количестве обычные кубики, из которых строились дома, замки и крепости. Были и оловянные солдатики, причем под руководством отца мы иногда изготавливали сколько-то из них сами, наливая легкоплавкий металл в формочки. Не обошлось и без игрушечных пушек с пистолетами. Но были и умные занятия: выпиливание лобзиком, вырезание из бумаги, переводные

Михаил Людвигович Франк, ученик 8-го класса Нижегородской гимназии. Сидит за первой партой слева, около учителя. 1897—1898 учебный год.

картинки, хитроумные карточные домики и даже резьба по дереву. Памятна и сохранившаяся до сих пор французская книга «Tom Tit», содержащая то, что теперь называют занимательной физикой. Многое из нее под руководством отца было сделано. Однако не надо думать, что отец занимался с нами каждодневно.

Каникулы семья проводила на даче, обычно где-нибудь не очень далеко от Петербурга, главным образом в Финляндии. Что касается родственных связей, они не были очень тесны ми. Все же мы бывали в гостях у моего дяди Семена Людвиговича Франка, у которого были два сына, Витя и Алеша. Стар-

ший из них, Витя, был немного моложе меня [на самом деле они были почти ровесниками. — А.Ф.]. Иногда они бывали у нас. Вероятно, папа виделся с братом чаще, но я об этом не знаю. Особенно трудно отцу жилось в первые годы после рождения Глеба (1904—1906 гг.), когда у него не было обеспеченного заработка. Для нас с Глебом связи с Семеном Людвиговичем, Софьей Людвиговной и с их семьями оборвались после 1917 г., и о них сохранились только смутные воспоминания.

Ближе мы знали младшего брата папы, Льва Васильевича Зака. Насколько я помню, папа очень любил дядю Леву, ставше-

го талантливым художником. Из родственников наиболее близкие отношения у нас были с братом мамы Павлом Михайловичем Грациановым» [2].

Прерывая на этом цитирование воспоминаний Ильи Михайловича, я хочу коротко остановиться на судьбе Семена Людвиговича. Подробному описанию его жизни посвящена книга Ф.Буббайера [3]. В 90-х годах он серьезно увлекся марксизмом и активно участвовал в политической жизни. Однако после революции 1905 г. разочаровался в политической деятельности и все больше и больше сосредоточивался на чисто творческой работе. В 1908 г. он женился на Татьяне Сергеевне Барцевой. Участие статьей «Этика нигилизма» в сборнике «Вехи» принесло Семену Людвиговичу большую известность, хотя значительная часть радикальной оппозиции весьма критически, если не враждебно, встретила появление сборника. А книга «Предмет знания» принесла еще и формальный успех — магистерскую степень. В последующие годы Семен Людвигович работал над одним из своих наиболее знаменитых произведений — «Душа человека».

Несмотря на разъезды и переезды, братья Семен и Михаил, несомненно, поддерживали достаточно тесные отношения. В семейном архиве сохранилось фото, присланное Семеном в Россию. Семен Людвигович и Татьяна Сергеевна запечатлены на балконе дома в Мюнхене зимой 1913—1914 гг.* На обороте письмо: «Дорогие Франки, — пишут они (не надо удивляться, есть ведь еще и Заки и Животовские), — шлем Вам наш свет(ый) привет. Как Вам нравится наш домик и мы? Детишки гуляли — а потому и не сняты! Михаил, что мальчики? Спасибо

* Такая же открытка имеется в архиве дочери С.Л.Франка Натальи Семеновны. Подпись на ней позволяет установить дату и место. Я благодарен сыну Н.С. Питеру Скореру, приславшему мне копию этой открытки.

за память о моей дочурке! Ребята здоровы и т.д.». По тональности записки видно, что она одна из многих и адресаты хорошо осведомлены о жизни отправителей.

Но все это до 1917 г. Что касается дальнейшей судьбы Семена Людвиговича, то здесь я обращусь к кратким воспоминаниям Татьяны Сергеевны.

«В 1917 году разражается революция, которая очень быстро превращается в большевизм. Семену Людвиговичу временным правительством предложено организовать историко-филологический факультет в Саратове, мы решаем покинуть Петербург. Но в Саратове настигает нас большевизм и вместе с ним голод; пришлось, ради куска хлеба для детей, искать прибежище в немецких колониях, которые еще не были обобраны большевиками... Мы переменили не одну колонию и под конец нам пришлось вернуться в Саратов, так как в колониях нам угрожали и арест, и такой же голод. В этом же году рождается младший сын Василий. Пережив лето в Саратове, осенью 1921 года Семен Людвигович решает переезжать в Москву. Прожили зиму в Москве, в холода и голоде, в невероятной тесноте, в коммунальной квартире. Летом устроились в деревне, где Семен Людвигович был арестован, аресты были произведены среди крупных ученых и мыслителей. В тюрьме эта группа пробыла несколько дней. Их выпустили под расписку с обязательством покинуть родину без права возвращения» [4].

А дальше был известный «философский пароход» и выезд в Германию с советским паспортом, в котором стоял штамп с отметкой о запрете въезда в Россию. К моменту этой вынужденной эмиграции в семье было четверо детей: Виктор родился в 1909 г., Алексей — в 1910-м, Наталья — в 1912-м и Василий — в 1920-м. Родившись в России, все они большую часть жизни прожили в Европе, но навсегда остались русскими. К сожале-

Михаил Людвигович и Елизавета Михайловна в Мюнхене. 1902 г.
Адрес на обороте: «Их Высокоблагородиям Г-дам Грациановым.
Нижний Новгород. Rusland».

нию, никого из них уже нет в живых. Однако Наталья Семеновна и Василий Семенович смогли в конце жизни побывать на родине. В один из своих приездов в начале 90-х годов Наталья Семеновна говорила мне, что хорошо помнит, как именно происходил их отъезд. Кстати, по ее словам, пароходов было два.

В последующие годы С.Л.Франк с семьей жил в Германии и много работал. К этому времени относится выход ряда книг, выдвинувших его в число философов и мыслителей мирового значения. Положение его как эмигранта, нелегкое с самого начала, резко осложнилось с приходом к власти нацистов.

В это время, едва ли не впервые в его в жизни, его еврейское происхождение оказалось не просто фактом биографии, а обстоятельством, от которого зависела сама жизнь. Поскольку у него был паспорт, выданный советскими властями, над ним нависла угроза депортации в Советский Союз. Пометка о запрете въезда в СССР для нацистов значения не имела. С большим трудом, через друзей и знакомых, удалось получить французский паспорт, и в 1933 г. он и Татьяна Сергеевна отправились во вторичную эмиграцию. Вскоре началась война, все трудности которой они пережили в Южной Франции, да еще

Татьяна Сергеевна (урожденная Барцева) и Семен Людвигович Франки.
Начало 1900-х.

Дети Семена Людвиговича и Татьяны Сергеевны: Алексей, Василий,
Наталья и Виктор.

будучи отрезанными от детей, трое из которых оказались к тому времени в Англии. Лишь в 1945 г. они переехали в Англию к дочери Наталье, которая во время войны потеряла своего мужа-летчика. Последнюю свою книгу Семен Людвигович написал уже в Англии. Он умер в 1950 г.

Думая сегодня о событиях 1922 г., ясно осознаешь, каким существенным образом они по-

влияли на дальнейшую жизнь обеих ветвей этой надолго (фактически навсегда) раздделенной семьи*. Для тех, кто остался в России, все это тоже не могло пройти бесследно. Очевидно, что в глазах властей как

* В июле 2005 г. внук Семена Людвиговича Сергей Васильевич Франк, празднуя свое 50-летие, собрал значительную часть большой семьи Франков в своем доме в Германии. Там снова встретились потомки Семена и Михаила Франков.

Михаил Людвигович, так и его сыновья (оба впоследствии академики) стали братом и племянниками врага советской власти, выдворенного из СССР по инициативе самого Ленина.

Но вернемся к семье Михаила Людвиговича. «События Февральской революции, — вспоминает Илья Михайлович, — хорошо памятны. Помню, в разгар ее мы с отцом шли по Лицейской улице и дошли до угла Каменноостровского проспекта. По проспекту двигались машины, облепленные солдатами с винтовками. Какой-то случайный выстрел, и началась беспорядочная стрельба, как я полагаю, в воздух. Мы укрылись во дворе дома около угла улицы.

Помню первый послереволюционный (после Февральской революции) Первомай в Петрограде. В памяти остались колонны демонстрантов, идущие по Каменноостровскому проспекту в сторону Марсова поля. Помню Троицкий мост, который раскачивался в такт марширующей по нему под музыку колонне демонстрантов. В другой раз, проезжая по Каменноостровскому на трамвае, мы попали в затор. Перед особняком Кшесинской стояла большая толпа, а на балконе мы издали видели фигуру человека, видимо, произносящего речь. С большого расстояния она казалась крошечной. Отец объяснил нам, что это Ленин» [2].

Летом 1917 г. Елизавета Михайловна едет с детьми в Крым. Перед этим тяжело болел Глеб, да и у нее самой не все было хорошо со здоровьем. Вероятно, и Михаилу Людвиговичу было спокойнее знать, что семья вдали от Петрограда. Скоро, по-видимому, стало ясно, что осень 1917 г. — не лучшее время для возвращения в Петроград, и семья задержалась в Крыму, как потом окажется, на долгие годы. Летом 1918 г., понимая, что может оказаться совершенно раздделенным с семьей, Михаил Людвигович испрашивал отпуск в Политехе и, вероятно, не без

труда, добирается до Крыма. Туда же приезжают брат Елизаветы Михайловны Павел Михайлович и ее мама Ольга Сергеевна. На крымских фотографиях рядом с ними мы находим и Льва Зака. В одном из воспоминаний Илья Михайлович упоминает, что там же был и Василий Иванович Зак. Таким образом, в Крыму оказывается вся семья.

Встает вопрос, как и чем жить. Елизавете Михайловне легче, она врач, и для нее находится работа (и жилье!) в детском санатории им. А.А.Боброва в Алупке. Михаила Людвиговича берут на временную работу инженером в Управлении по проектированию орошения Голодной Степи, почему-то обосновавшемся также в Алупке. Дети начинают ходить в школу в Ялте (сначала это было коммерческое училище, потом, уже в советское время, школа называлась как-то иначе). Живя в Ялте, они нередко ходили пешком из Ялты в Алупку и обратно.

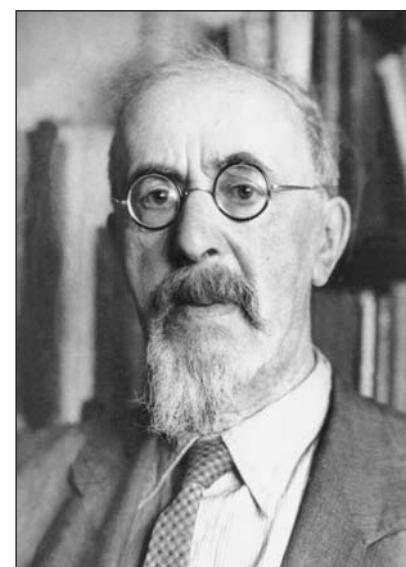
Несколько фотографий, сохранившихся в семейном архиве, иллюстрируют этот крымский период. На них мы находим семью в Алупке и Бобровский санаторий. Благодаря надписи на снимке, мы даже можем найти балкон их комнаты*.

В 1918 г. в Симферополе образовался Таврический университет, и Михаил Людвигович начал в нем преподавать. По окончании школы в Симферополь переезжают и дети: сначала Глеб в 1921 г., потом и Илья в 1925. Глеб учился на агрономическом факультете и одновременно работал на кафедре А.Г.Гурвича. Илья формально не был студентом, но слушал лекции по физике и математике. Принимал он участие и в работе существовавшего при университете математического общества, делал там доклад, впоследствии опублико-

ванный. Это была его первая научная работа.

История Таврического университета заслуживает описания, более подробного, чем это возможно сделать в рамках настоящей статьи. Много материалов на эту тему содержится в книге З.П.Грибовой, посвященной биографии Глеба Михайловича [5] и в книге [6]. Здесь же я приведу только очень короткие сведения об этом замечательном учреждении. Университет начал свою работу в Симферополе в октябре 1918 г., когда правителем Крыма был барон П.Н.Врангель. Первым ректором университета был Роман Иванович Гельвиг, а вторым, после смерти Гельвига, Владимир Иванович Вернадский. В университете было пять факультетов: историко-филологический, физико-математический, юридический, медицинский и агрономический. Преподавали академики В.И.Палладин и Н.И.Андрусов, ряд профессоров Петроградского, Московского и Пермского университетов. Среди них Я.И.Френкель, И.Е.Тамм, Т.А.Афанасьева-Эренфест, Н.М.Крылов, М.Л.Франк, А.Г.Гурвич и Н.В.Оглоблин. Из ученых, студенческие годы которых связаны с Таврическим университетом, назову Г.М.Франка, И.М.Франка, К.Д.Синельникова, И.В.Курчатова, К.И.Щелкина, И.А.Лебединского.

Сегодня уже трудно представить себе реальные условия, в которых протекала жизнь в Крыму в описываемое время. Яркой иллюстрацией может служить документ, приведенный в книге Грибовой. «Сотрудники университета доведены до такой степени нищеты, при которой уже начинается вымирание определенной группы или неизбежная необходимость прекращения научной работы... Труд профессора оплачивается в 30—40 раз ниже, чем служба любого английского солдата. Профессора университета, чтобы не умереть с голода, вынуждены были продавать последние вещи, брались за любую дополнительную работу, пилили дрова, шили сапоги и т.д. Свыше 20 профессоров и преподавателей совершенно лишиены крова. Не лучше было и положение студентов. Многие из них систематически голодали. На весь университет было 30 стипендий».

Семен Людвигович Франк
в последние годы жизни.

Но так или иначе, крымский период семьи подошел к концу. В 1925 г. вслед за Гурвичем уезжает в Москву Глеб, а годом позже покидает Крым и Илья. Он уехал в Москву и поступил там на физико-математический факультет МГУ. Михаил Людвигович оставался в Симферополе до 1930 г., когда, благодаря ходатайству Якова Ильича Френкеля, с которым они были дружны, и усилиям Абрама Федоровича Иоффе, он получил приглашение возглавить кафедру математики в Ленинградском политехническом институте. Главой этой кафедры он оставался вплоть до своего отъезда в эвакуацию в 1941 г., из которой уже не вернулся.

Обратимся теперь к дальнейшей судьбе Глеба и Ильи. Переехав вслед за Гурвичем в Москву в 1925 г., Глеб продолжил работу под его руководством на кафедре гистологии медицинского факультета МГУ. Начав препара-

* Директором санатория был известный врач-климатолог Петр Васильевич Изергин. Воспоминания о нем и о санатории им.Боброва, написанные его невесткой С.Н.Изергиной, имеются в нашем семейном архиве.

В Женском медицинском институте. Елизавета Михайловна Франк — на первом плане, сидит за столом. 1913 г.

В Алупке. 1918 г. Стоят: крайний справа — Михаил Людвигович. Рядом с ним Лев Зак. Сидят: Глеб, Илья на коленях у бабушки Ольги Петровны, Елизавета Михайловна.

тором, он вскоре поступил в аспирантуру. В 1929 г. он переехал в Ленинград, поступил в лабораторию Иоффе в Ленинградском физико-техническом институте, где проработал вплоть до 1930 г., заведуя впоследствии собственной лабораторией. В 1931 г. Иоффе организует Физико-агрономический институт (ФАИ) и становится его директором. По его просьбе Глеб Михайлович переходит в ФАИ, где заведует сектором биофизики, а потом становится заместителем Абрама Федоровича. В 1933 г. он заведует лабораторией во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ), и в 1935 г. вместе с ВИЭМ переезжает в Москву. В том же году он получает степень доктора биологических наук. Очевидно, что научно-профессиональная карьера Глеба Михайловича складывалась на редкость успешно. Важные события происходили и в его личной жизни. В конце 20-х годов он женился на Милице Михайловне Курепиной, и в 1933 г. у них родился сын Михаил. Брак не был продолжительным. В 1937 г. вторая жена Глеба Михайловича Лидия Борисовна Прохорова родила ему dochь Анну.

Что касается Ильи Михайловича, то, как я уже упоминал, в 1926 г. он сдал экзамены в МГУ и поступил на физико-математический факультет. В семейном архиве сохранилась замечательная фотография, относящаяся к студенческому периоду жизни Ильи Михайловича. Мне кажется, это фото очень точно передает настроение студента, приехавшего из далекой провинции в большой и незнакомый ему город. Москва здесь пустынна. Кроме нескольких конных повозок на набережной и трамваев вдали у въезда на Большой Каменный мост, больше транспорта нет, да и пешеходов совсем немного. Живется этому студенту трудно. Нет сомнения, что с деньгами у него худо, да и ночевать особенно негде. Как вспоминал Илья Михайлович,

«я... в то время вообще не имел постоянного пристанища и относился к этому равнодушно: снимал угол, спал на диване в зубоврачебном кабинете, а одновремя даже на столе читального зала детской библиотеки, когда она бывала закрыта».

Но, конечно, самое главное для него — это появившаяся возможность учиться, и не просто учиться, а в одном из самых известных университетов страны и у первоклассных учителей. В своих воспоминаниях Илья Михайлович пишет, что сразу же после его приезда в Москву отец познакомил его с И.Е.Таммом, с Г.С.Ландсбергом и Л.И.Мандельштамом. Точнее говоря, подчеркивает Илья Михайлович, «отец объяснил мне, что в отличие от него, исключенного с первого курса университета, мне посчастливилось, и я буду учиться у замечательных ученых — математиков и физиков» [7]. Учился он жадно и помимо лекционных курсов стремился попасть в физическую лабораторию. После того, как на первом курсе (а не на втором, как полагалось) он закончил общий студенческий практикум, Г.С.Ландсберг рекомендовал его С.И.Вавилову, набиравшему студентов для постановки задач в специальном оптическом практикуме. В то время Ландсберг, Тамм и Вавилов были ближайшими сотрудниками Мандельштама. Таким образом, он попал в одну из лучших физических лабораторий того времени. Его первым непосредственным руководителем стал М.А.Леонтович, бывший в то время аспирантом. А через некоторое время Сергей Иванович Вавилов предложил ему продолжить работу непосредственно под его руководством. «Вскоре я понял, какая это была для меня удача», — вспоминал впоследствии Илья Михайлович. Так начались многолетнее сотрудничество и тесные личные отношения учителя и ученика.

Примерно два года спустя двух студентов-физиков, в том

Михаил Людвигович с сыновьями. Алупка. Около 1925 г.

Илья Михайлович в Москве. Примерно 1926 г.

числе и И.М.Франка, направили для прохождения студенческой практики в Ленинград, в Государственный оптический институт (ГОИ). По-видимому, работа в ГОИ была успешной, поскольку после окончания МГУ

в 1930 г. Илья Михайлович поступает в лабораторию А.Н.Теренина уже в качестве сотрудника.

Итак, в 1930 г. семья оказывается в Ленинграде. Михаил Людвигович заведует кафедрой в Политехническом институте.

С.И.Вавилов с группой студентов Московского университета. 1929—1930 гг.
Сидят, слева от него: В.Антонов-Романовский, С.И.Драбкина; справа:
А.Г.Морозова. Стоят: И.М.Франк, Д.И.Блохинцев, И.П.Цирг, М.А.Марков,
Л.Н.Кацауров, Н.М.Меланхолин.

Вскоре к нему приезжает и Елизавета Михайловна. Живут они в квартире на территории Политеха. И оба сына здесь. Глеб работает в Физико-техническом институте, а Илья — в ГОИ. Мне ничего неизвестно о том, где в те годы братья жили и как часто виделись. Думаю, что нередко. Однако этот период не был долгим. В 1934 г. постановлением правительства ряд ленинградских институтов переводится в Москву, и оба брата покидают Ленинград. Родители же остаются.

Что касается научной работы Ильи Михайловича в ГОИ, то сведения о ней скучны. Публикаций, относящихся к этому времени, немного. Но, по-видимому, результаты были существенными, поскольку в 1935 г. по итогам ра-

бот в ГОИ ему была присуждена докторская степень. Диссертация была представлена в виде рукописного доклада и, по-видимому, не сохранилась. Докторами братья становятся практически одновременно.

Работа в ГОИ продолжалась очень недолго. В 1934 г. Сергей Иванович настоял на переходе Ильи Михайловича в физический отдел Ленинградского физико-математического института им. В.А.Стеклова, которым Сергей Иванович руководил с 1932 г. Этот переход был сопряжен со сменой тематики, поскольку Вавилов поручил Илье Михайловичу заниматься не оптикой, а ядерной физикой. Вскоре физический отдел, преобразованный в Физический институт, переехал в Москву. С этого

момента началась история знаменитого вавиловского ФИАНа.

Теперь мне хочется рассказать об одной не очень широко известной странице истории, тесно связанной с именами братьев Франков. Я имею в виду Эльбруssкие комплексные экспедиции 1934—1938 гг. В воспоминаниях о брате Илья Михайлович писал: «Не знаю, как возникла у Глеба эта идея, но за год до Эльбруssкой экспедиции, в 1933 г., он предложил организовать самодеятельную группу с научными целями для работы в горах Кавказа. В качестве базы был выбран туристический лагерь Дома ученых в Домбае, около Теберды. Еще в 1932 г. альпинистская группа, состоявшая из А.А.Смирнова, Г.Г.Неуймина и меня, жила там и совершила несколько восхождений. Таким образом, места были нам уже хорошо известны. Ленинградский дом ученых поддержал начинание Глеба и оказал нам помошь.

Нами предполагалось провести в горах измерения главным образом по физике атмосферы, которые было сравнительно просто осуществить. Неуймин и я спроектировали для этой экспедиции простой фотометр для регистрации УФ-радиации неба. Описание прибора, видимо, не сохранилось, так как наш отчет в Доме ученых, прошедший с большим успехом, был устным. Но если наша самодеятельная экспедиция не ставила перед собой широких научных задач, то интерес Глеба к исследованиям на больших высотах уже тогда был, несомненно, очень серьезным.

Естественно, что когда весной следующего, т.е. 1934-го года, была созвана Всесоюзная конференция по изучению стратосферы, Глеб не просто стал ее участником, но автором серьезного доклада, посвященного биологическому действию УФ-света. Интерес к проблеме действия ультрафиолета у него сохранился и в последующие годы.

Для предстоящей Эльбруssкой экспедиции все это было

весьма полезным как в смысле некоторого опыта организации работы в горах, так и в смысле тематики исследований и понимания ее актуальности. Идею Глеба об организации в 1934 г. многоплановой научной экспедиции на Эльбрус активно поддержали А.Ф.Иоффе и С.И.Вавилов. Академия наук активно в этом участвовала, так как Академией наук я был утвержден ученым секретарем экспедиции.

Ряд институтов (по крайней мере 5) приняли участие в экспедиции. Начальником был назначен профессор Военно-электротехнической академии А.А.Яковлев, а его заместителем Глеб... Тематика была обширной. Я хотел бы отметить медико-биологические исследования. Изучались изменения состава крови и ее динамика, функция дыхания, изменения вкусовых ощущений и т.д. Таким образом, это был первый шаг к комплексным исследованиям на больших высотах, ставших столь актуальными в связи с полетами тех лет в стратосферу. В свою очередь они подготовили и открыли путь современным исследованиям космоса» [2]. Думается, не будет большим преувеличением утверждать, что высокогорные исследования на Эльбрусе, проводившиеся под руководством Г.М.Франка, оказали существенное влияние на развитие авиационно-космической медицины в стране*.

Справедливо отмечая роль брата, Илья Михайлович скромно пишет о собственном участии. «В первый же год работы экспедиции в ней приняла участие группа ФИАН, состоявшая из Добротина, Черенкова и Франка. Мы провели тогда первые наблюдения космических лучей камерой Вильсона на различных высотах от 2000 м (Терскол) до 4300 м (Приют одиннадцати). Кроме того, по предложению С.И.Вавилова, вместе с группой

Илья Михайлович с камерой Вильсона на крыше здания Президиума Академии наук. Ленинград. 1934 г.

Фредерик Жолио-Кюри и Ирен Кюри в лаборатории И.М.Франка в ФИАНе. Рядом с Ильей Михайловичем Л.В.Грошев.

ГОИ, состоявшей из А.А.Лебедева (впоследствии академика) и И.А.Хвостикова, мы занимались изучением свечения ночного неба. Условия работы, особенно для исследования космических лучей, тогда были еще чрезвычайно неблагоприятными. Работать для уменьшения радиоактивного фона пришлось прямо на льду ледника, притом

даже без палатки. В качестве источника света мы использовали Солнце, направляя его свет от зеркала гелиостата в камеру Вильсона. Тем не менее, камера Вильсона работала, и даже удавалось получать фотографии. Это было началом серии работ по изучению космических лучей, которые велись в Эльбруской экспедиции в последующие

* Подробнее о результатах этих работ сказано в книге З.П.Грибовой [5].

Илья Михайлович в годы эвакуации в Казань и Элла Абрамовна в 1948 г.

Глеб Михайлович в своем кабинете в Институте экспериментальной медицины. 1940-е годы.

годы главным образом В.И.Векслером и Н.А.Добротиным» [8].

По-видимому, участие группы И.М.Франка в работе экспедиции фактически положило начало высокогорным исследованиям космических лучей. В трудах Эльбрусской экспедиции 1934–1935 гг. опубликованы две тесно связанные работы по космическим лучам: «Наблюдение космических лучей с камерой Вильсона» (Н.Добротин, И.Франк и П.Черенков) и «Рабо-

та с камерой Вильсона в 1935 г.»* (В.Антонов-Романовский, Н.Григоров и И.Франк).

Н.А.Добротин вспоминал позднее: «возвращалась наша группа из экспедиции уже не в Ленинград, а в Москву, куда ФИАН переехал без нас летом 1934 г. Первые месяцы после возвращения из экспедиции мы, так же

* Камера Вильсона с гелиостатом испытывалась в Ленинграде. В городских условиях оказалось удобным вести эту работу на крыше дома.

как и многие другие сотрудники, переехавшие из Ленинграда, разместилась в общежитии, созданном в нескольких комнатах здания Института. В одной из комнат жили мы трое — Франк, Черенков и я, без семей пока. И лишь в начале 1935 г. мы трое получили общую коммунальную квартиру недалеко от Института, где прожили вместе около 20 лет» [9].

Воспоминания об Эльбрусской экспедиции были для Ильи Михайловича очень дороги. И тут соединялось несколько важных моментов. Конечно, работа, профессия, наука всегда были для него главной составляющей жизни. Думаю, очень важным для него было и то, что он занимался серьезным делом вместе со старшим братом. Но ведь были еще и горы, которые он так любил. Он бывал в горах и позже. Во время одной из таких поездок он познакомился с моей мамой Эллой Абрамовной. Осталось много фотографий, сделанных во время отдыха на Кавказе. Он хорошо ходил и с гордостью вспоминал, что во время Эльбрусской экспедиции они с П.А.Черенковым поднялись в один день на обе вершины Эльбруса. Остались и вещественные воспоминания об этом времени. В мои студенческие годы я в течение многих лет ходил на лыжах и в туристические походы в его куртке-штурмовке, сохранившейся от Эльбрусской экспедиции. А его ледоруб и сейчас хранится у меня дома.

Невозможно рассказать сколько-нибудь подробно о жизни братьев в рамках настоящей статьи. В какой-то степени это сделано в сборнике, посвященном Илье Михайловичу и готовящемся к печати в издательстве «Наука». Поэтому я прерываю свой рассказ на том, что в 1934 г. он вернулся в Москву и начал свою работу в Вавиловском ФИАНе. Впереди у него долгая и полная событий жизнь.

Тут, в ФИАНе, он снова встретится с бывшим сослуживцем своего отца по Таврическому

университету Игорем Евгеньевичем Таммом, и их имена прочно соединяются в истории науки. Продолжая вместе с Л.В.Грошевым работы с камерой Вильсона, Илья Михайлович одновременно будет вовлечен в работу Бавилова и Черенкова по изучению загадочного свечения. Здесь, в ФИАНе, он встретится со знаменитой «физической» парой Ирен и Фредериком Жолио-Кюри. Мы видим их всех на фото, сделанном в фиановской лаборатории, и, вероятно, можем угадать, что именно рассматривает Фредерик Жолио в стереоскоп. Ведь довольно большое число стереофотографий, сделанных с камерой Вильсона именно в это время, хранится в архиве Ильи Михайловича.

Как ни странно, но приезд супругов Жолио-Кюри в ФИАН оказался важным и совсем с иной точки зрения. Незадолго до того Илья Михайлович рассказал Тамму об экспериментах Черенкова в надежде заинтересовать его. А тут Бавилов, показывая гостю институт, решил ознакомить его с этими же работами. Сама обстановка темной комнаты, в которой что-то от чего-то светится, произвела на Жолио неприятное впечатление. И в ответ на вопрос Тамма о его мнении он буркнул что-то о лучах Брандо — синониме научного шарлатанства. Неудивительно, что Тамм несколько охладел к этим работам. И пройдет еще много времени, прежде чем Илья Михайлович и Игорь Евгеньевич снова вернутся к обсуждению этого явления. Видимо, много заготовок было уже у Тамма и Франка, если за одну ночь они сумели вчерне сделать свою знаменитую работу, исписав ту школьную тетрадку, листы из которой попадут в воспоминания отца. А потом пройдет еще почти двадцать лет до Стокгольмского триумфа.

А до этого будет женитьба, война и эвакуация с сопутствующими холодом и недоеданием. Тут, в Казани, семья соберется вместе в последний раз.

В гостинице «Россия», 1968 г. Теперь оба брата — академики.

Александр Ильич, Илья Михайлович, Глеб Михайлович и Анна Глебовна.

Фото Л.В.Сухова

Братья с женами в 1971 г.: Глеб Михайлович и Заруи Сааковна; Илья Михайлович и Марина Михайловна. Возможно, это последнее общее фото.

«В Казани мы жили порознь, и приехал Глеб туда не сразу. Лидия Борисовна с Асей (жена и дочь Г.М. — А.Ф.) уехали в Казань раньше, вместе со мной, с эшелоном ФИАНа, и жили там в небольшой комнате. Сначала у них была комната в квартире местной женщины-хирурга. Потом хирурга мобилизовали в армию, а Глеб Михайлович с семьей получил другую комнату. Виделись мы очень редко, потому что Глеб очень много

отсутствовал. В августе 1941 г. у меня родился сын Саша. Было трудно. Моя жена болела туберкулезом. А я разрывался на части между своей комнатенкой и комнатой родителей. Приходилось много работать. Было голодно, трудно с дровами и пропитанием. Я не умел обеспечить и родителей, и семью, хотя все время бегал куда-то из казанского кабинета, где работал. Жили очень тяжело, и многие свидетели моей казанской

Улица Франка в Дубне.

жизни говорят, что я был худой, как щепка. Помню, у Глеба был хороший знакомый, профессор Шпирт. Его жена, Софья Соломоновна, помогала тогда нашему отцу, у которого открылся туберкулез. Она говорила, что отец настолько истощен, что вряд ли его можно спасти. Отец наш — человек необыкновенно самоотверженный. Мы дежурили у его постели через ночь: ночь — я, ночь — Глеб. А отец как-то запомнил именно Глеба. Когда ему было совсем плохо (я обычно лежал рядом с его постелью на полу), он стонал: «Глебик!». Подходил я» [2].

Михаил Людвигович не вернется из Казани, и могила его останется там — на Арском кладбище. А Елизавета Михай-

ловна приедет с сыновьями в Москву и будет радоваться подрастающим внукам. Она доживет до того времени, когда сможет назвать себя матерью двух знаменитых ученых, директоров двух больших институтов.

Очень схожие внешне, братья были очень разными. Брызгущий какой-то внутренней энергией Глеб — прирожденный лидер, вовлекавший сотрудников в водоворот своих идей и начинаний. Илье, напротив, была свойственна внутренняя сосредоточенность и некоторая погруженность в себя. При этом обоих отличала безусловная порядочность и интеллигентность. И биографии у них схожие.

В послевоенные годы оба они были вовлечены в атомные

дела. По прямому поручению И.В.Курчатова Глеб Михайлович в 1946—1952 гг. возглавлял Радиационную лабораторию №8, впоследствии превратившуюся в Институт биофизики АМН СССР, и был одним из основоположников радиационной медицины в стране. Велики его заслуги и в формировании космической медицины. Оба брата — лауреаты Сталинской премии. Оба стали академиками АН СССР: Г.М.Франк в 1966 г., а И.М.Франк в 1968-м. С 1957 г. Глеб, в то время член-корреспондент Академии медицинских наук, — директор Института биофизики, а впоследствии и глава Пущинского научного центра, организатором которого фактически и являлся. Илья Михайлович в это время — директор лаборатории в Дубне. Глеб Михайлович скончался 10 октября 1976 г. Воспоминания о нем, написанные Ильей Михайловичем вскоре после смерти брата, полны любви и уважения.

На этом я мог бы закончить свой рассказ. Но прежде чем я это сделаю, я хотел бы назвать имена двух женщин, на протяжении последних десятилетий разделивших с братьями их жизнь и бывших с ними до их последних дней. Это Марина Михайловна Франк и Заруи Сааковна Леонтьева (Франк). Я должен добавить, что у Глеба Михайловича и Заруи Сааковны в 1952 г. родилась дочь Катя.

Вот, такова история этой семьи. Во многом замечательной и в то же время обычной.■

Литература

- Илья Михайлович Франк. К 90-летию со дня рождения / Под общ. ред. В.Л.Аксенова. Сост. А.С.Гиршева. Дубна, 1998.
- Франк И.М. Воспоминания о брате Г.М.Франке. Семейный архив Франков. Готовится к печати в сборнике: Илья Михайлович Франк. М., 2008.
- Буббайер Ф. С.Л.Франк. Жизнь и творчество русского философа. М., 2001.
- Франк Т. // Памяти Виктора Франка. Лондон, 1974. С.7—8.
- Грибова З.П. Глеб Михайлович Франк. М., 1977.
- История Таврического университета / Под общ. ред. Н.В.Багрова. Київ, 2003.
- Франк И.М. Леонтович и школа Мандельштама // Воспоминания об академике М.А.Леонтовиче. М., 1990. С.146—160.
- Франк И.М. // УФН. 1967. Вып.91. С.11—27.